

Лирический портрет

Александр КОВАЛЕВ

Родился в 1949 году. Окончил Московский энергетический институт. Инженер-энергетик по образованию, доктор технических наук, профессор, академик ПАНИ. Одновременно более 40 лет профессионально работает в литературе. Поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат премий Ленинского комсомола, имени св. блг. князя Александра Невского, имени маршала Говорова Законодательного собрания и правительства Санкт-Петербурга и других.

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

МЫ ВСПОМНИМ ВСЁ

Вместо предисловия

Я родился в Донбассе, в 26 верстах от Донецка, в маленьком шахтерском городке Харцызске. В мои пять лет семья уехала в Пятигорск, и единственная ниточка, связывавшая меня с Донбассом, была могила бабушки на харцызском кладбище. Приезжал я на могилу к ней нечасто, но зато частенько звонил своему приятелю Олегу, родители которого лежали рядом с бабушкой. Летом 22-го я, как обычно, позвонил в Харцызск, и Олег сказал мне, что могилы больше нет. Шальной укроповский снаряд разворотил весь участок, на котором лежали наши близкие. И тогда я поехал туда в последний раз поклониться могиле, которой уже нет. Как вы понимаете, поездка была сугубо личная. Я не был на передовой, не возил гуманитарку. И возраст, и силы не те. Я просто говорил с людьми, десять лет живущими в аду. Я просто смотрел им в глаза. Я просто написал эти строки. Так что чем могу...

1

Какая славная погода,
весна колдует у крыльца.
Какие страшные два года,
которым нет и нет конца.

Сейчас бы в поле спозаранку,
наладить плуг погожим днем,
но режут гусеницы танков
перестоявший чернозём.

Гремят недобрые зарницы,
стирая в щебень мирный дом,
и механические птицы
тротил уносят под крылом.

Зерно не скоро в пашню ляжет.
Железом пашня прорастёт.
Ошмётки плоти в камуфляже
удобряют севооборот.

Откуда ж этот без предела
майданной ненависти груз?
Что ж вы детей недоглядели,
Украйна-ненька,
Мамка-Русь?

Неужто вы сынов рожали,
чтоб нашей кровью упились
заокеанские шакалы
и стая европейских крыс?

Не верю. Не могу поверить,
что не вернутся никогда
на общий, православный берег
те солнечные дни, когда
я шёл Подолом, как Арбатом,
а ты в Москве мне «Руту» пел...

Но тот, кто прежде был мне братом,
глядит в меня через прицел.

2

Сегодня ночью плакали деревья
в саду и в ближней лесополосе.
Я, помнится, сначала не поверил –
Зачем они? Тем более к весне.

Весною нужно жить.
Пусть бродят соки,
вскипает жизнь у дремлющих корней...
Но кто-то тихо всхлипывал у окон,
чуть слышно, словно жаловался мне.

Я вышел в сад, точнее в то, что было
когда-то садом посреди села.
Луна – неосторожное светило –
над садом искорёженным плыла.

А под луной бессильно и нелепо,
сочась слезами и почти без слов
о чем-то горячо молили небо
обрубки тонких веток и стволов.

Конечно, я мольбы их не расслышал,
и вряд ли небо им дало ответ,
но понял, что просили передышки,
чтоб хоть листочки выбрались на свет.

Но не бывает выходных у тризны.
И у войны ответ всегда простой:
снаряды рвали деревья и жизни
над близкою ночной передовой.

3

Петро, за что ты кума Мишку,
и хату Мишкину, и сад?
Ведь у него растёт сынишка,
твой крестник. Он чем виноват?

А Мишка, кум, он разве враг?
Да и жена его не враг.
За что же ты из «трех семёрок»
развеел кума Мишку в прах.

Он не рубил твой тын и сливу,
твой дом он не обрёк золе.
Он просто жить хотел счастливо
на отчей, на своей земле.

Вы с ним в одной учились школе,
а после – шахта и семья.
Он первенца назвал Николой,
тебя сосватав в кумовья.

Когда же всё переменялось?
Как стал ты нелюдьё, Петро?
Какая мразь в тебя вселилась
и выжгла начисто нутро?

Молчишь...
Страх жрёт тебя, как плесень.
Ты молишь, чтобы пронесло.
Но жив пока ещё твой крестник,
он помнит всё.
Он помнит всё.

И если даже, смежив веки,
ты ляжешь в тысячу могил,
он не простит тебя вовеки...

Дай бог, чтоб внук его простил.

4

Ну что, панове, отскакались,
потарахтели в барабан?

Здесь пулю не возьмешь на жалость.
Окоп не то же, что майдан.

Не покрасуешься бесстыже,
не позигуешь почём зря.
Сполна хлебнешь окопной жижи,
не раз обмочишь прохоря.

Ну ладно, этот гад идейный,
а ты, полтавский, здесь при чём?
Какую ты с дружкой Авдеем
сыскал Европу с калачом?

Пойди, сходи к Авдею в гости,
поговори с дружкой своим.
Как там живется на погосте
под флагом желто-голубым?

Не жмёт ли хата «два на метр»
и пара метров в глубину?
Кого ты там, в европах встретил,
с кем погутарил за страну?

Как, хорошо ль у вас там стало
без ватников и москалей?
И грошей полон дом, и сала,
пампушки жуй, горилку пей.

А хочешь, кушай ананасы –
теперь ты пан, большая честь.
Жаль, сам ты пушечное мясо...

И всё же, хлопцы, выход есть.
Бери «калаш», гранату, вилы,
шагай до Банковой, браток,
покуда не пришел твой срок
и не отрыл тебе могилу
крававый, маленький хорёк.

5

А над Донцом чудесная погода,
какой бездонно-синий небосвод.
А в городах, полях и огородах
весна осколки сеет третий год.

Беда у нас не ходит стороною,
тем более такая – на крови.
Война всегда останется войною,
как ты её в Кремле не назови.

А значит, будут новые потери,
и плач, и боль во всех концах страны.

Но мы всё стерпим, потому что верим —
не зря на фронте гибнут пацаны.

Нас не сломить ни пулями, ни ложью.
В нас этот дух из глубины веков.
И в танки сядут новые Алёши,
и Жоги поведут штурмовиков.

И день придёт, безоблачный, хороший,
как тот Великий Майский День и Год,
когда мы выйдем всей страной на площадь,
от Бреста до Курил — один народ.

Мы вспомним всё —
нам зло карать не ново —
всех павших в этой битве под огнём,
Одессу, Бучу, каждый мирный дом...

И мы дойдём до Киева и Львова,
а надо, и до Одера дойдём.